

REPORTS OF NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES
OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
ISSN 2224-5227

Volume 5, Number 5 (2014), 133 – 140

UDC 323.285; 327.8

FEATURES OF TERRORIST THREATS IN CENTRAL ASIA

K.L. Syroezhkin¹, M.T. Laumulin¹, Sh.A. Kurmanbayeva²

syrkonst@mail.ru, muratlau@mail.ru, g.musinova@mail.ru, semey_urist@mail.ru.

¹Kazakhstan Institute for Strategic Studies under President of the Republic of Kazakhstan, Almaty

² Kazakh Humanitarian Juridical Innovative University, Semey

Key words: terrorism, extremism, threats, social basis, geopolitics, Kazakhstan, Central Asia.

Abstract. The emergence and spread of ideology and practices of terrorism in Central Asia is connected with both the internal contradictions and external ones, which are common for the entire international community. All the reasons are determined by two groups of factors: social and economic (the property polarization of society, the growth of the poor and vulnerable social group) and political factors (the limited functionality of the state, the lack of a legal political opposition, which is changeable by the Islamic alternative; the corruption and the fight of the groups, the distrust the judicial system and the lawlessness in the law enforcement agencies). The analysis shows, that the Central Asian states have a social basis for the ideology of terrorism. However, the presence of the social basis, which constitutes a threat to national security, there is not yet evidence that the terrorist underground act in Kazakhstan and the social protest is realized through the acts of terrorism. While the terrorist underground is not established, however, the conditions for this exist and the "call" to the government has rang long ago. And the possibility of act of terror or events, in which the tactics of extremism could be used, and also religiously motivated is not excluded.

УДК 323.285; 327.8

ОСОБЕННОСТИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ УГРОЗ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ¹

К.Л. Сыроежкин¹, М.Т. Лаумулин¹, Ш.А. Курманбаева²

¹ Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, г. Алматы

² Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет, г. Семей

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, угрозы, социальная основа, геополитика, Казахстан, Центральная Азия.

Аннотация. Возникновение и распространение идеологии терроризма и практики террора в Центральной Азии связано как с внутренними противоречиями, так и с внешними, в том числе общими для всего мирового сообщества. Все причины обусловлены двумя группами факторов: социально-экономическими (имущественная поляризация общества, рост бедных и социально уязвимых слоев населения) и политическими факторами (ограниченная функциональность государства; отсутствие легальной политической оппозиции, замещаемой исламской альтернативой; коррупция и борьба группировок; недоверие судебной системе и несоблюдение законности в правоохранительных органах). Анализ показывает, в государствах Центральной Азии есть социальная основа для идеологии терроризма. Однако наличие социальной основы, хотя и представляет угрозу для национальной безопасности, еще не есть свидетельство того, что в Казахстане действует террористическое подполье, а социальный протест реализуется через террористические акции. Пока террористическое подполье не институализировано, но условия для этого есть, и «звонок» для власти давно прозвенел. Возможность совершения террористических актов или событий, в которых бы могла быть использована тактика экстремизма, в том числе и религиозно мотивированного, не исключена.

¹ Статья подготовлена по гранту Республики Казахстан, номер госрегистрации 0112РК02907.

Прежде чем ставить вопрос об особенностях террористических угроз в Центральной Азии, по-видимому, нужно определиться с причинами возникновения самой проблемы терроризма в регионе и спецификой ее проявления на территории государств Центральной Азии. При этом сразу необходимо оговориться, что как первые, так и вторые имеют свои особенности в каждом из государств региона, хотя нельзя не отметить наличие и общих черт для всех государств региона [1].

Причины терроризма

Возникновение и распространение идеологии терроризма и практики террора в Центральной Азии связано как с внутренними противоречиями – экономическими, политическими, социальными, межнациональными, конфессиональными, так и с внешними, в том числе общими для всего мирового сообщества [2].

Внутренние факторы, обуславливающие возникновение и распространение идеологии и практики терроризма либо способствующие ему причины и условия:

- межэтнические, межконфессиональные и иные социальные противоречия; размежевание обществ государств региона по этническому и клановому признаку;

- наличие условий для деятельности экстремистски настроенных лиц и объединений;

- рост влияния политического ислама в Центральной Азии; хотя повышение уровня религиозности населения региона – объективный тренд, обращает на себя внимание увеличение количества последователей исламских организаций, которые ранее не были распространены в регионе;

- бедственное экономическое положение значительной части населения и отсутствие нормальной светской оппозиции, что побуждает людей выражать политический протест именно в религиозной форме; религия становится не только культурной традицией, но и единственной надеждой на социальную справедливость;

- несмотря на официальный запрет, на территории государств региона не только продолжают действовать различные организации, пропагандирующие идеи политического ислама, но в последнее время наблюдается активизация их деятельности; причем, не только в сельской местности, но и в городах;

- попытка использовать религиозно мотивированный экстремизм и терроризм в межэлитной борьбе, а также прямая связь некоторых представителей политического истеблишмента стран региона с радикальными религиозными организациями;

- слабая подготовка представителей официального исламского духовенства стран региона, которые проигрывают борьбу за влияние на мусульманскую умму ваххабитам и салафитам;

- ненадлежащий контроль за распространением идей радикализма, пропаганды насилия и жестокости в информационном пространстве государств региона;

- недостаточная эффективность правоохранительных, административно-правовых и иных мер по противодействию терроризму;

- недостаточно эффективная борьба с организованной преступностью и коррупцией, незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и наркотиков;

- наличие большого количества конкурирующих элитных группировок; сложность в сохранении постоянного внутриэлитного баланса сил; наблюдается снижение лояльности бюрократического аппарата к действующей власти; отдельной темой является угроза проникновения экстремистских идей в структуры государственной власти и внутри политической элиты страны;

- отсутствие дееспособной политической оппозиции и практики публичной политики во всех странах региона, что в условиях отсутствия доверия к политической власти со стороны значительной части населения и выраженной невосприимчивости общества и части политической элиты к заявляемым политическим инновациям, отсутствия эффективной работы социальных лифтов ведет к появлению новой оппозиции из рядов протестных групп или из числа исламских радикалов;

- увеличение социального расслоения и медленный рост среднего класса; поляризация общества, по мнению экспертов, является второй по значимости (после внутриэлитных противоречий) среди конфликтов, которые представляют наибольшую угрозу для государств региона на сегодняшний день; но главное – рост численности бедных слоев населения увеличивает

социальную базу экстремизма и терроризма;

- эффект отложенной социализации; вчерашние сельские жители, переезжающие в крупные города, не имеют действенных механизмов адаптации и интеграции в новые для них сообщества;

- снижение уровня образования, что ведет не только к невостребованности выпускников, но и снижает уровень критического мышления в молодежной среде, делая ее более доступной для пропаганды и манипулирования, в том числе и для пропаганды религиозных и экстремистских идей;

- снижение уровня подготовки спецслужб, их втягивание в межэлитные и межведомственные «разборки», нарушения в правоохранительных и правоприменительных органах.

Внешние факторы, способствующие возникновению и распространению идеологии и практики терроризма [3]:

- проникновение международных террористических организаций в страны региона;

- наличие очагов террористической активности вблизи государственных границ государств Центральной Азии;

- участие граждан государств региона в террористической деятельности за рубежом, прохождение ими боевой подготовки с целью дальнейшей организации террористической и экстремистской деятельности в странах региона;

- получение образования гражданами государств региона в зарубежных теологических учебных заведениях, распространяющих идеологию религиозного экстремизма;

- финансовая поддержка террористических и экстремистских организаций, действующих на территории государств региона, со стороны международных террористических и экстремистских организаций;

- стремление ряда иностранных государств, в том числе в рамках осуществления антитеррористической деятельности, установить свое политическое, экономическое или иное влияние в отдельных государствах Центральной Азии;

- распространение идей терроризма и экстремизма через информационно-телекоммуникационную сеть Интернет и средства массовой информации;

- отсутствие в международном сообществе единого подхода к определению причин возникновения и распространения терроризма и его движущих сил, наличие двойных стандартов в правоприменительной практике в области борьбы с терроризмом.

Специфика местного терроризма

Итак, социальная основа для идеологии терроризма в государствах Центральной Азии имеет место быть. Более того, не стоит забывать о том, что эта идеология родилась как ответ «слабых» на террор со стороны «сильных». Так было во времена крестовых походов, когда идеологии терроризма придерживались ассасины [4], аналогичную ситуацию мы наблюдаем и сегодня, когда рост числа терактов идет в ответ на репрессии со стороны властей и на попытку сильных мира сего навязать другим народом свое понимание их будущего и доминирующих ценностей.

Однако, наличие социальной основы для идеологии терроризма и даже рост числа ее приверженцев, хотя и представляет серьезную угрозу для национальной безопасности, еще не есть свидетельство того, что в Казахстане действует террористическое подполье, а социальный протест реализуется через террористические акции. А потому для начала необходимо разобраться с тем, «какой процент протестного населения есть в стране и какой процент из этого процента является сторонниками радикальных идей экстремистского толка» [5].

К сожалению, внятного ответа на этот вопрос ни в одном из государств региона пока нет, как нет ответа и на другой вопрос – что собирается предпринять государство, чтобы число приверженцев идеологии терроризма и религиозного мотивированного экстремизма не росло, а сокращалось. Как показывает анализ законодательства, посвященного борьбе с терроризмом и экстремизмом, практически повсеместно акцент преимущественно делается на силовом и пропагандистском компонентах [6]. При этом из дискурса обсуждения проблем борьбы с терроризмом и экстремизмом почти исчезла тема ликвидации причин, порождающих эти явления.

Можно ли победить идеологию терроризма силовыми акциями, большой вопрос. Как показывает мировая практика, террор со стороны власти лишь порождает ответный террор со стороны притесняемого меньшинства (а иногда и большинства) [7]. А вызывающие в странах

Центральной Азии экстремизм и терроризм (в том числе и религиозно мотивированный) причины, как показано выше, главным образом обусловлены двумя группами факторов:

– с одной стороны, социально-экономическими факторами (имущественная поляризация общества и рост бедных и социально уязвимых слоев населения), создающими питательную среду для идеологии экстремизма и терроризма.

– с другой стороны, политическими факторами (ограниченная функциональность государства, как механизма управления; отсутствие легальной политической оппозиции, замещаемой исламской альтернативой; коррупция и борьба группировок внутри политического класса; неверие судебной системе и беспредел, творящийся в правоохранительных и правоприменительных органах), толкающими притесняемые протестные группы к проявлению недовольства властью в форме акций экстремизма, а иногда и терроризма.

И здесь мы вновь возвращаемся к вопросу, с которого начали: в чем специфика проявлений «терроризма» в Центральной Азии? Точнее, какие выводы позволяют делать дела задержанных и осужденных за преступления, связанные с терроризмом.

Для более детального анализа возьмем в качестве примера события в Казахстане в 2010-2012 гг.

Первое, что обращает на себя внимание, эти преступления – антиобщественные акции без заявлений, без требований, непонятно, с какой целью [6]. Ни в одном из случаев не было озвучено мотивов взрывов или самоподрыва. Хотя современный терроризм как немыслим без СМИ, так он напрямую связан и с геополитикой [8]. Все абсолютно безадресно, без указания авторства, без уточнения, а чего, собственно говоря, добиваются «террористы».

Во-вторых, подрывы или самоподрывы, слава Богу, не привели к массовым жертвам среди мирного населения. Другими словами, либо отечественные «террористы» плохо знакомы с теорией, либо у них нет целей воздействия на массовую аудиторию. Скорее всего, второе, поскольку проводить акции с целью устрашения населения, которое не оказывает никакого влияния на власть, не имеет смысла.

В-третьих, организационной основы у казахстанского «терроризма» нет. Как правило, действуют одиночки, мотивы действий которых не очень ясны. Лишь один раз при взрывах в Атырау в октябре 2011 г. ответственность взяла на себя возникшая совершенно ниоткуда организация «Джунд аль-Халифат» («Солдаты Халифата») [9]. Был озвучен и мотив – неприемлемость направления в Афганистан казахстанского контингента миротворцев. Однако, по общему признанию специалистов по антитеррору, в реальности такой организации не существует.

В-четвертых, главная цель казахстанских «террористов» – работники правоприменительных органов, главным образом, сотрудники КНБ и полиции. В причинах такой избирательности нужно разбираться в деталях. Однако не исключено, что в ряде случаев имела место простая случайность (полицейские гибли при задержании членов бандформирований, что нельзя рассматривать как теракт), а в ряде случаев, возможно, имела место безысходность загнанного в угол человека или месть правоприменительным органам за их неспособность (нежелание) решить конкретную проблему человека. Нельзя исключить и коррупционную составляющую.

В-пятых, казахстанский «терроризм», как правило, религиозно мотивированный. Во всяком случае, именно в этом пытаются убедить общественное мнение представители власти и правоприменительных органов. Практика свидетельствует, что все осужденные «террористы» в Казахстане в лучшем случае проповедовали исламистские идеи, что, конечно, тоже преступление, но на терроризм явно не тянет. В худшем – это люди, посаженные за чтение запрещенной литературы.

В-шестых, казахстанский «терроризм» тесно связан с уголовным миром, и основным местом, где возвращается идеология терроризма, являются места лишения свободы.

В-седьмых, казахстанские «террористы», главным образом, молодые и среднего возраста мужчины, причем, слишком молодые или старше среднего возраста в «террористы» не идут. Из 132 человек, осужденных за террористические преступления, 66 человек были в возрасте 21-29 лет и 39 человек – 30-39 лет. Основную долю среди террористов – 106 человек, занимают безработные. Практически среди террористов нет людей даже со средним уровнем дохода [10].

Наконец, спецоперации в отношении подозреваемых в терроризме, экстремизме и убийствах полицейских в последнее время заканчиваются их полным уничтожением. Такая тенденция как

минимум настораживает, свидетельствуя о слабой агентурной работе, но и о слабой подготовке спецподразделений, призванных осуществлять антитеррористические операции, а как максимум – приводит к самым невероятным слухам, вплоть до того, что преступники пользуются поддержкой властей, которым лишние свидетели ни к чему.

Все это свидетельствует о том, что пока террористическое подполье в Казахстане не институализировано, однако условия для этого есть, и «звонок» для власти давно прозвенел. Очевидно, что почти аналогичные или полностью аналогичные выводы можно сделать и в отношении других государств Центральной Азии. Во всяком случае, в прессе отсутствуют факты о наличии в каком-нибудь из них организованного террористического подполья, что, однако, не исключает возможности совершения террористических актов или событий, в которых бы могла быть использована тактика экстремизма, в том числе и религиозно мотивированного.

Специфика терроризма в Центральной Азии

Что касается тенденций развития терроризма в государствах Центральной Азии, на наш взгляд, можно согласиться с выводами казахстанских экспертов, сделанных ими по отношению к Казахстану [11]. Основные тенденции:

- окончательный переход к дагестанскому типу терроризма; возможно, главными жертвами террористических актов будут не только силовики, но и чиновники;
- усиление связей с Северным Кавказом, странами Магриба и Ближнего Востока; в данном случае – идеологическая поддержка и боевая подготовка;
- поиск новых источников финансирования – контроль вещевых рынков, продажа наркотиков, рэкет, кражи; формирование сети «хавала» для передачи денег;
- возникновение легального крыла или в виде общественных деятелей, или из числа сочувствующих средств массовой информации (отчасти эту роль выполняет сейчас радио «Азатык»);
- расширение сети ячеек;
- взятие под контроль пенитенциарных учреждений.

Из сказанного выше вытекают и особенности террористических угроз в Центральной Азии, возникновение которых будет обусловлено, прежде всего, причинами не внутреннего, а внешнего свойства.

Из внешних террористических угроз наиболее вероятными видятся лишь несколько.

Во-первых, это Афганистан, точнее – активно обсуждаемая «проблема 2014» [12, 13]. Вполне очевидно, что афганские национальные силы не смогут обеспечить безопасность в стране, следовательно – военно-политическая ситуация в Афганистане вновь обострится. Скорее всего, можно прогнозировать возникновение гражданской войны на этнической основе. При этом перенос активности на север Афганистана неминуемо приведет к активизации деятельности базирующихся в настоящее время на территории Афганистана и Пакистана немногочисленных, но действительно террористических оппозиционных групп – узбекских, уйгурских, чеченских, киргизских, таджикских и др., имеющих родиной своего происхождения Россию и государства Центральной Азии, и их неизбежное вытеснение на территорию России и государств Центральной Азии. Речь идет о таких группах, как «Исламское движение Узбекистана» [14], «Акрамийя», «Таблиги Джамаат», «Исламская партия Восточного Туркестана», «Жамаат моджахедов Центральной Азии» и т.д. [15].

Во-вторых, это хаос на Ближнем Востоке, который привел к усилению радикальных исламских течений, не имеющих недостатка в оружии, человеческих ресурсах и материальных средствах. И самое главное, усиление давления на светские режимы региона создает условия не только для углубления процесса исламизации Северной Африки и Ближнего Востока, но и для активизации деятельности экстремистских групп и их выхода за пределы региона [16].

Центральная Азия – один из объектов будущей деятельности этих экстремистских групп, в чем убеждает стремительный рост проявлений экстремизма (в том числе и религиозно мотивированного) практически во всех государствах региона

В-третьих, не исключена возможность использования террористических групп (в том числе и исламских) конкурентами в геополитической борьбе за влияние в Каспийско-Центральноазиатском регионе. Хотя нельзя не признать того факта, что на сегодняшний день никто из влиятельных

геополитических игроков в дестабилизации ситуации в Центрально-Азиатском регионе не заинтересован, тем не менее события в Ливии и особенно в Сирии свидетельствуют о том, что такая перспектива вполне возможна.

Что касается внутренних террористических угроз, то их можно квалифицировать по нескольким основаниям.

Во-первых, как показывает практика борьбы с терроризмом в Центральной Азии, большинство совершенных террористических актов были религиозно мотивированными. Скорее всего, эта тенденция сохранится и на ближайшую перспективу, что обусловлено несколькими обстоятельствами:

- растущим влиянием исламизма во всех государствах Центральной Азии и расширением его социальной базы;

- существенным сокращением поля публичной политики и фактическим отсутствием (либо недееспособностью) легальной политической оппозиции, что создает условия для организации растущего социального протеста либо на националистической, либо на религиозной основах;

- растущей клановой борьбой внутри политического класса и наблюдаемым во многих государствах региона использованием им в этой борьбе религиозных лозунгов;

- активным внедрением представителей религиозных организаций (в том числе радикальных) в структуры политической власти.

Во-вторых, растущий протестный потенциал миграции из сельской местности в города, особенно учитывая тот факт, что эта категория населения в наибольшей степени относится к социально незащищенным слоям и в большей степени подвержена религиозной и экстремистской пропаганде.

В-третьих, наличие большого количества конкурирующих элитных группировок; сложность в сохранении постоянного внутриэлитного баланса сил. Наблюдается снижение лояльности бюрократического аппарата к действующей власти. Отдельной темой является угроза проникновения экстремистских идей в структуры государственной власти и внутри политической элиты страны. Некоторые экстремистские организации сейчас больше стараются работать не с маргиналами, а с перспективной молодежью, активно оказывая ей поддержку для продвижения на государственную службу, в том числе и в силовые структуры.

В-четвертых, стоит обратить внимание на фактор «третьей силы». Усилия «третьей силы» могут быть направлены на провоцирование конфликтных ситуаций в обществе (в том числе с использованием методов терроризма и экстремизма) для достижения нескольких целей:

- нейтрализации потенциальных соперников;

- сталкивания лбами оппозиции и власти;

- повышения своего статуса в глазах президента, как единственной силы, на которую он может опереться;

- зондажа общественного мнения по поводу разных сценариев своего прихода к власти, в том числе через производство слухов;

- создания и управления социальными, межнациональными и прочими конфликтными ситуациями.

Именно «третья сила» при определенных условиях способна целенаправленно провоцировать конфликты, создавая иллюзию напряженности как в обществе, так и в элите.

В-пятых, активно ослабляя внутрисистемную оппозицию, которая пыталась действовать в правовом поле, власть в государствах региона практически упустила из виду появление антисистемной оппозиции из числа местных радикальных групп. Рост террористических рисков указывает на то, что в государствах Центральной Азии завершилась трансформация отдельных протестных групп в сторону их большей радикализации. Это говорит о том, что не только у власти, но и у демократической оппозиции появились конкуренты с точки зрения влияния на отдельные протестные слои населения.

Выводы

Во всех государствах Центральной Азии возникли новые конфликтогенные зоны в обществе (межэтнические противоречия, миграция в города, рост исламизма и т.д.). Уже сейчас наблюдается расширение протестного поля, характерными чертами которого являются: увеличение количества

новых протестных групп; появление новых политических игроков, кроме традиционной оппозиции, выражающих интересы протестных групп; рост террористических рисков.

Безусловно, сейчас в основном доминирует пассивная форма протеста, но именно она подтачивает существующую политическую систему, т.к. одного камешка может хватить, чтобы вызвать камнепад. И этот камешек, скорее всего, может упасть в переходный период, когда руководитель окончательно уйдет из политики, что вызовет «эффект домино», при котором какое-либо осознанное или неосознанное изменение в алгоритме действующих правил игры автоматически повлечет за собой ряд других изменений.

Но самое опасное заключается в том, что при наличии таких мин замедленного действия в период смены власти, при определенных условиях, протестными настроениями в обществе попытаются воспользоваться некоторые элитные группы, которые на протяжении долгого времени заверяли общественность в собственной лояльности существующей политической системе.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Курманбаева Ш.А., Сыроежкин К.Л., Лаумулин М.Т. Динамика развития терроризма и его современное состояние // Вестник КазНУ им. Аль-Фараби. Сер. философия, культурология, политология. 2013. №3. С. 69-77.
- [2] Курманбаева Ш.А., Лаумулин М.Т., Сыроежкин К.Л. Терроризм: уточнение дефиниции и время // Вестник Национальной академии наук Республики Казахстан. 2013. №2. С. 77-84.
- [3] Сыроежкин К.Л., Лаумулин М.Т., Курманбаева Ш.А. Динамика количественных и качественных изменений терроризма и геополитика // Доклады Национальной академии наук Республики Казахстан. 2013. №6. С. 97-110.
- [4] Дафтари Ф. Легенды об ассасинах. Мифы об исмаилитах. М.: Ладомир, 2009.
- [5] Сатпаев Д. Шесть компонентов казахстанского антитеррора // Интернет-портал Quorum.kz. – 18 ноября 2011. – [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.quorum.kz/>.
- [6] Сыроежкин К.Л. О некоторых особенностях проявлений «терроризма» в Казахстане / Проблемы терроризма и религиозного экстремизма в Казахстане. Материалы республиканской научно-практической конференции, КазГЮИУ. Семей: Интеллект, 2013. С. 11-17.
- [7] Нечитайло Д. «Стартовые площадки» всемирного терроризма // Азия и Африка сегодня. 2008. № 4. С. 40-46.
- [8] Pillar P.R. Terrorism Goes Global // Brooking Review. 2001. Vol. 19. № 4.
- [9] «Джунд аль-Халифат» организована гражданами Казахстана для развязывания джихада на территории Республики Казахстан. – 9 ноября 2011. – [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.kt.kz/rus/power_structures/dzhund_aljhalifat_organizovana_grazhdanami_kazahstana_dlja_razvjazivaniya_dzhihada_na_territorii_respubliki_kazahstan_1153547408.html.
- [10] Шибутов М., Абрамов В. Терроризм в Казахстане – 2011-2012 годы. Алматы, 2012. С. 37 (<http://vlast.kz/>).
- [11] Там же. – С. 49-50.
- [12] Дубнов А. Сергей Шойгу ответил мутле Омару // РИА Новости. 7 августа 2013. – [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://ria.ru/analytics/20130807/954933225.html?utm_source=965777&utm_medium=banner&utm_content=2767975&utm_campaign=rian_partners#14104181801374&message=resize&relto=login&action=removeClass&value=registration.
- [13] Сыроежкин К.Л. «Проблема 2014» и безопасность в Центральной Азии // Central Asia & Central Caucasus Press. – [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.ca-c.org/journal/2013/journal_rus/cac-03/02.shtml.
- [14] Фальков М. Исламское движение Узбекистана (ИДУ) // Независимая газета. 2000. 24 августа.
- [15] Каратаева Л.Р. Становление системы противодействия терроризму в Центральной Азии / Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Алматы, 2010. 326 с.
- [16] Мухаметов Р. Перспективы аль-демократии // Россия в глобальной политике». – 23 декабря 2012. – [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://globalaffairs.ru/number/Perspektivy-al-demokratii-15786>.

REFERENCES

- [1] Kurmanbaeva Sh.A., Syroezhkin K.L., Laumulin M.T. *Vestnik KazNU im. Al'-Farabi. Ser. filosofija, kul'turologija, politologija*, 2013, 3, 69-77 (in Russ.).
- [2] Kurmanbaeva Sh.A., Laumulin M.T., Syroezhkin K.L. *Vestnik Nacional'noj akademii nauk Respubliki Kazahstan*, 2013, 2, 77-84 (in Russ.).
- [3] Syroezhkin K.L., Laumulin M.T., Kurmanbaeva Sh.A. *Doklady Nacional'noj akademii nauk Respubliki Kazahstan*, 2013, 6, 97-110 (in Russ.).
- [4] Daftari F. *Legendy ob assasinah. Mify ob ismailitah*. M.: Ladomir, 2009 (in Russ.).
- [5] Satpaev D. *Shest' komponentov kazahstanskogo antiterrora*, <http://www.quorum.kz/> (in Russ.).
- [6] Syroezhkin K.L. *Problemy terrorizma i religioznogo jekstremizma v Kazahstane*, Semej: Intellekt, 2013, 11-17 (in Russ.).
- [7] Nechitajlo D. *Azija i Afrika segodnja*, 2008, 4, 40-46 (in Russ.).
- [8] Pillar P.R. *Brooking Review*, 2001, 19, 4.
- [9] «Dzhund al'-Halifat» *organizovana* *grazhdanami* *Kazahstana*,

http://www.kt.kz/rus/power_structures/dzhund_aljhalifat_organizovana_grazhdanami_kazahstana_dlja_razvjavivaniija_dzhihada_na_territorii_respubliki_kazahstan_1153547408.html (in Russ.).

[10] Shibutov M., Abramov V. *Terrorizm v Kazahstane – 2011-2012 gody*. Almaty, 2012, 37 (in Russ.).

[11] Ibid. 49-50 (in Russ.).

[12] Dubnov A. *Sergej Shojgu otvetil mulle Omaru*, http://ria.ru/analytics/20130807/954933225.html?utm_source=965777&utm_medium=banner&utm_content=2767975&utm_campaign=rian_partners#14104181801374&message=resize&relto=login&action=removeClass&value=registration (in Russ.).

[13] Syroezhkin K.L. *Central Asia & Central Caucasus Press*, http://www.ca-c.org/journal/2013/journal_rus/cac-03/02.shtml (in Russ.).

[14] Fal'kov M. *Nezavisimaja gazeta*, 2000, 24 August (in Russ.).

[15] Karataeva L.R. *Stanovlenie sistemy protivodejstvija terrorizmu v Central'noj Azii*, Almaty, 2010, 326 (in Russ.).

[16] Muhametov R. *Rossija v global'noj politike*, <http://globalaffairs.ru/number/Perspektivy-al-demokratii-15786> (in Russ.).

ОРТАЛЫҚ АЗИЯДАҒЫ ЛАҢКЕСТІК ҚАУІП-ҚАТЕРДІҢ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ

К.Л. Сыроежкин¹, М.Т. Лаумулин¹, Ш.А. Құрманбаева²

²Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институты, Алматы қ.,

²Қазақ инновациялық гуманитарлық-заң университеті, Семей қ.

Тірек сөздер: лаңкестік, экстремизм, қауіп-қатер, әлеуметтік негіз, геосаясат, Қазақстан, Орталық Азия.

Андапта. Орталық Азиядағы лаңкестік идеологиясы мен лаңкестік тәжірибесінің туындауы мен таралуы ішкі және сыртқы қайшылықтардың, сонымен қатар бүкіл әлемдік қауымдастыққа ортақ қайшылықтардың туындауымен байланысты. Барлық себептер екі фактормен: әлеуметтік-экономикалық (қоғамның мүлкітік бөлінуі, халықтың кедей және әлеуметтік осал топтарының артуы) және саяси факторлармен (мемлекеттің шектеулі функционалдылығы; заңды, саяси, алмастыратын исламдық балама оппозицияның болмауы; жемқорлық және топтардың күресі; сот жүйесіне сенімсіздік және құқық қорғау органдарында заңдылықтың сақталмауы) шартталған. Тапдау көрсетіп отырғандай, Орталық Азия мемлекеттерінде лаңкестік идеологиясының әлеуметтік негізі бар. Бірақ әлеуметтік негіздің болуы ұлттық қауіпсіздікке қауіп төндіргенімен Қазақстанда астыртын лаңкестіктің әрекет ететіндігінің, ал әлеуметтік наразылықтардың лаңкестік акциялары арқылы жүзеге асырылатындығының дәлелі емес. Астыртын лаңкестік әлі институтталмаған, бірақ бұған барлық жағдай жасалған және үкімет үшін «қоңырау» баяғыда сынғырлап белгі берген. Лаңкестік актілерді немесе экстремизм тәсілін қолдануы мүмкін әрі діни тұрғыда дәйекті оқиғаларды жасау мүмкіндігі жоққа шығарылмайды.

Информация об авторах

Сыроежкин Константин Львович, доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан (КИСИ).

Лаумулин Мурат Турарович, доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан (КИСИ).

Адрес: 050010, г. Алматы, Проспект Достык, 87 «б».

Құрманбаева Шырын Асылхановна, доктор политических наук, профессор, ректор Казахского гуманитарно-юридического инновационного университета (КазГЮИУ), член Национальной комиссии по делам женщин и семейно-демографической политике при Президенте РК.

Адрес: Республика Казахстан, г. Семей, ул. Абая, 94.